

<https://doi.org/10.19195/0137-1150.177.6>

Data przesłania artykułu: 3.01.2022

Data akceptacji artykułu: 5.06.2022

ANNA BOGINSKAYA

Uniwersytet Wrocławski, Polska

(University of Wrocław, Poland)

Мотив болезни в романе Бориса Пастернака *Доктор Живаго*

Motif of Illness in Boris Pasternak's Novel *Doctor Zhivago*

Abstract

The motif of illness and recovery lies at the core of the worldview of the protagonist of Boris Pasternak's novel *Doctor Zhivago*. The novel refers to the motif of illness firstly because of the protagonist's trade and the realities of the post-revolutionary and civil war years, which were accompanied (or followed) by typhus epidemics. Secondly, the motif of illness is inextricably linked with the time of major historic transitions, and as such with the prevalent feeling of violation of physical and psychological harmony of the universe. The article distinguishes and analyses a number of themes and motifs which are interwoven with the motif of illness, such as creativity, the release of unconscious impulses, liminal states, dreamstates, and the figure of the window. All these themes and motifs were outlined in Pasternak's poems and later found their continuation and development in the novel *Doctor Zhivago*.

Keywords: illness, recovery, Boris Pasternak, *Doctor Zhivago*, typhus

Motyw choroby w powieści Borysa Pasternaka *Doktor Żywago*

Streszczenie

Motywy choroby i wyzdrowienia są podstawą światopoglądu bohatera powieści *Doktor Żywago*. Odwołanie się do choroby w utworze Pasternaka związane jest przede wszystkim z zawodem protagonisty oraz realiami lat porewolucyjnych i czasów wojen, którym towarzyszyły epidemie tyfusu. Motyw choroby nierozzerwalnie łączy się z przeżywaniem i postrzeganiem zmian

historycznych, które zaburzają harmonię fizyczną i psychiczną bohaterów. Ponadto motywowi temu towarzyszy wiele innych tematów i motywów, takich jak twórczość, wyzwalanie nieświadomości, stany i doświadczenia liminalne, a także motyw snu i figura okna. Wszystkie te motywy zostały zarysowane w poezji Pasternaka, a następnie znalazły kontynuację i rozwinięcie w powieści *Doktor Żywago*.

Słowa kluczowe: Borys Pasternak, *Doktor Żywago*, choroba, tyfus, wyzdrowienie

Введение

Сами названия произведений Бориса Пастернака указывают на значимость мотивов болезни и выздоровления в его творчестве. В стихотворении *Болезнь земли* из книги *Сестра моя — жизнь* обновлению в природе предшествует разгул стихии, которую автор сравнивает с „разгулом стафилококков” и судорожным приступом столбняка. В поэме *Высокая болезнь* размышления о роли поэта, искусстве и революции переплетаются терминами морбуального дискурса. Мотивом преображения через мучительный недуг пронизан цикл *Болезнь* из книги *Темы и вариации*, как и стихотворение *В больнице* (из книги *Когда разгуляется*), где на грани жизни и смерти, в состоянии „на пороге”, лирическому герою открывается чудо жизни. „Ультразвуковая чувствительность” лирического героя Пастернака позволяет говорить о том, что „соотношение «болезнь—выздоровление» лежит в основании его поэтического мировосприятия” (Фатеева, 2003, с. 256). Гиперчувствительность, болезненное состояние лирического героя проявляется в состоянии крайнего напряжения:

У лирического субъекта Пастернака часто наблюдается крайнее обострение всех чувств: все вокруг „ударяет в нос”, „ширит и рвет зрачок”, „оглушает” [...] от переполнения чувств трудно дышать, малейшие движения „отдаются дрожью в теле”, воспаляется кожный покров, „от высей сердце екает”. После критических точек наступает разряжение, что получает выражение в содроганьях, лихорадочных состояниях, судорогах лицевых мышц, конвульсиях, которые как бы выводят на поверхность весь „нервный состав” „Я”. (Фатеева, 2003, с. 255)

Познание мира и преображение героя возможно только после сверхнапряжения и вызванных им болезненных мук. На обращение к теме болезни в лирике Пастернака указал Александр Жолковский в статье *Инварианты и структура поэтического текста*: Пастернак, включив тематические элементы „болезнь” и „боль” в тему „Великолепие низкого” (подтема „низкое”), что свидетельствует о постоянном присутствии этих компонентов в лирике поэта (Жолковский, 1980).

Мотив болезни и выздоровления лежит в основе мировосприятия героя романа *Доктор Живаго*. Наталья Фатеева обращает внимание на то, что болезненное состояние по-разному передается в лирике и прозе Пастернака. Если в лирике возникает „отраженная метафора болезненного состояния”

(Фатеева, 2003, с. 258), когда самочувствие лирического субъекта передается с помощью переноса ощущений на другие предметы, например, фуфайку больного в стихотворении *Болезнь*, то в прозе болеют и терпят недомогание сами герои (Фатеева, 2003, с. 258). Кроме того, в зрелом периоде творчества мотив болезни уступает место мотиву исцеления. Главный герой романа сосредоточен не на болезненной восприимчивости мира, а на изучении мира и людей, на постановке правильного диагноза пациентам и времени. Это обусловлено профессией Юрия Живаго — он не только поэт, но еще и ученый, доктор, к тому же блестящий диагност.

Появление мотива болезни в романе Пастернака, во-первых, обусловлено профессией главного героя и признаками времени — эпидемиями тифа в послереволюционное время и во время гражданской войны. Во-вторых, мотив болезни неразрывно связан с ощущением надломленности времени, с обостренным восприятием нарушения физической и психологической гармонии. Кроме того, болезни сопутствует целый ряд тем и мотивов, таких как творчество, освобождение бессознательного, лиминальные состояния, мотив сна и фигура окна.

Все эти мотивы были намечены в лирике Пастернака и позже нашли свое развитие в романе *Доктор Живаго*. Мотив болезни в лирике был подробно рассмотрен в упомянутых выше работах Фатеевой и Жолковского, однако он остается мало исследованным в прозе Пастернака. Целью статьи является анализ мотива болезни и сопутствующих ему тем и мотивов в романе *Доктор Живаго*, что, по мнению автора, позволит дополнить общее представление о творчестве Пастернака.

Эпидемии тифа

В романе встречаются реалистические описания эпидемий тифа, которые становятся обыденностью в революционном и военном хаосе. По свидетельству Милана Даниэла, тиф всегда сопровождал массовые бедствия и войны, эпидемии вспыхивали во время скученного проживания людей в плохих санитарных условиях, сопряженных с голодом и холодом (Даниэл, 1990, с. 52). Впервые заразная болезнь упоминается в романе во время забастовки железнодорожных рабочих: мать Павла Антипова заболевает брюшным тифом. Возвращение Юрия Андреевича в Москву тоже сопровождается упоминанием опасной болезни: „сыпной тиф еще свирепствовал” (Пастернак, 1989, с. 543). Сам Юрий Живаго заболевает тифом дважды, первый раз в Москве и второй раз в Юрятине, где его спасает от смерти Лара.

Описания эпидемий тифа во время революции и войны лишены в романе метафорического значения. Пастернак описывает болезнь, бушующую в Сибири, в поездах, следующих по Транссибирской железной дороге, на

вокзалах, переполненных солдатами и бездомными. Перед отъездом в Варыкино доктор видит на Ярославском вокзале толпы больных, перенесших сыпной тиф: „В виду переполнения больниц, их выписывали на другой день после кризиса. Как врач, Юрий Андреевич сам сталкивался с такой необходимостью, но он не знал, что этих несчастных так много и что приютом им служат вокзалы” (Пастернак, 1989, с. 245). Города европейской части России становились эпицентром эпидемии. В романе описываются способы профилактики и лечения болезни, например, на скученных вокзалах „в предохранение от тифозных вшей, щиколотки, запястья и шеи густо смазывали керосином” (Пастернак, 1989, с. 251). В плену у партизан Живаго при почти полном отсутствии медикаментов изготавливает лекарство от тифа из самогонок:

Выгонку вещества довели почти до ста градусов. Жидкость такой крепости хорошо растворяла кристаллические препараты. Этим же самогоном, настоенным на хинной корке, Юрий Андреевич позднее, в начале зимы, лечил возобновившиеся с холодами случаи сыпного тифа”. (Пастернак, 1989, с. 417)

Заражение тифом в романе воспринимается фаталистически, его предвещают особые знаки, такие, например, как внезапно пошедшие сами собой „не знавшие завода” часы в квартире заготовщика из Тверской заставы, что привело в ужас его больную тифом жену, решившую, „что это пробил ее последний час” (Пастернак, 1989, с. 234). В этот же день Живаго узнает о сломанном будильнике, который чудесным образом пошел, на что доктор шутливо замечает: „Это мой тифозный час пробил” (Пастернак, 1989, с. 240). Однако Живаго заболевает тифом позже, в тот момент, когда „бедствия семьи Живаго достигли крайности. Они нуждались и погибали” (Пастернак, 1989, с. 240). Болезнь приходит в критический для семьи доктора момент, когда теряется связь со всеми покровителями, и семья оказывается в крайней нужде. В сюжетобразующей структуре романа заболевание тифом кормильца семьи может быть расценено как мелодраматический прием, напряжение событийного ряда, а также как повторяющийся в романе „ход”.

Исследователи творчества Пастернака отмечали тяготение поэтики *Доктора Живаго* к поэтике русской волшебной сказки и отражение сказочных структур и схем в строении произведения¹. Валерий Тюпа в статье *Нарративная интрига „Доктора Живаго”* отмечает, что заболевание тифом — символическое умирание героя — встречается в романе дважды, что позволяет расценить этот повтор как сюжетобразующий „ход”, о котором писал Владимир Пропп, анализируя волшебную сказку (Тюпа, 2013, с. 79). Чудесное выздоровление доктора в Москве объясняется внезапным появлением и помощью

¹ См. Буров, С. Г. (2013). Поэтика романа Б. Л. Пастернака „Доктор Живаго”. *Новый филологический вестник*, № 4 (27), с. 7–34; Тюпа, Р. И. (2013). Нарративная интрига „Доктора Живаго”. *Новый филологический вестник*, 2 (25), с. 45–71.

сродного брата Евграфа, приравниваемого литературоведами Ильей Кузнецовым и Сергеем Ляляевым в статье *Преображение действительности* как внутренний сюжет „Доктора Живаго” к трансформированному „волшебному помощнику” — „функциональной фигуре в сюжете волшебной сказки” (Кузнецов, Ляляев, 2013, с. 49).

Выздоровлению доктора сопутствуют радикальные изменения в его жизни. После поправки доктор с семьей уезжает на Урал, в Варыкино. В этом плане функция мотива болезни в романе схожа с функцией мотива снежной бури и метели — предвестников перемен. Мотив метели появляется во время поворотных, критических точек в судьбе героев романа: в революционном 1917-ом первое правительственное сообщение об образовании Совета Народных Комиссаров и установлении в России советской власти Живаго читает во время разыгравшейся стихии. Неслучайно в тифозном бреде в Москве Живаго снится, что он пишет поэму *Смятение о положении во гроб*, о том, как „три дня бушует, наступает и отступает черная земляная буря” (Пастернак, 1989, с. 242). Болезнь, наравне с метелью и земляной бурей, предвещает в романе всеобъемлющие радикальные перемены как в судьбе отдельного человека, так и в ходе истории.

Болезнь как кризис

С болезнью в романе *Доктор Живаго* связано переходное состояние, кризис и освобождение. Лиминальное состояние героев прежде всего вызвано особенностями течения болезни: тиф (лат. *typhus*, греч. *typhos*) в переводе означает „дым”, „помрачение сознания”. Инфекционное заболевание характеризуется сильной лихорадкой, вызывающей состояние бреда (Норинт, Кузнецов, 1998). В то же время болезнь наделяется метафорическим значением, символизирует состояние на границе жизни и смерти, за которым непременно следуют воскресение и преображение. Болезнь как бы дана герою, и даже необходима ему для того, чтобы с новой силой ощутить радость жизни на контрасте с перенесенными страданиями. Мотив болезни в творчестве Пастернака неразрывно связан с чудом жизни.

Исследователи творчества Пастернака нередко отмечали его тягу к кризисным моментам и катастрофе как одну из главных особенностей поэтики². Напомним, что Живаго заболевает тифом во второй раз после побега из партизанского отряда, во время странствия вдоль засыпанной снегом железной дороги. Среди снежной пустыни доктору кажется, что наступило крушение

² См. Быков, Б. (2012). *Борис Пастернак*. Москва, Молодая гвардия; Гаспаров, Б. (1990). „Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Бориса Пастернака „Доктор Живаго”. *Дружба народов*, 3, с. 223–242; Альфонсов, В. (1990). *Поэзия Бориса Пастернака*. Ленинград: Советский писатель.

цивилизации: „Путник при виде путника сворачивал в сторону, встречный убивал встречного, чтобы не быть убитым. Появились единичные случаи людоедства. Человеческие законы цивилизации кончились. В силе были звериные” (Пастернак, 1989, с. 440). Ощущение безвременья, возврата к доисторическим временам позже усиливается погружением в болезненное состояние, которое отражает мироощущение героя — нахождение мира за гранью понимания и разума.

Владимир Альфонсов в книге *Поэзия Бориса Пастернака* очень верно определил роль кризиса в творчестве писателя: „Философский оптимизм Пастернака не исключает знания о трагических сторонах человеческого бытия. Но [...] Пастернак не приходит к трагедийному знанию, а исходит из него. Он ценит его очищающую и возвышающую силу (катарсис, как говорили древние)” (Альфонсов, 1990, с. 42). Катастрофические события были постоянным фоном жизни современников Пастернака, но не каждому удавалось придать кризису оптимистические тона. Вместо краха прежней жизни Пастернак видит в кризисе воскресение, перерождение, начало новой жизни. После кризиса болезни и катастрофы следует внезапное, неожиданное счастье. Так, после болезни в Юрятине, когда Юрий Живаго ропщет на небо, обвиняя его в том, что „оно отвернулось от него, и оставило его” (Пастернак, 1989, с. 460), он вновь обретает Лару и теряет сознание от счастья: „У него темнело в глазах от радости и, как впадают в беспамятство, он провалился в бездну блаженства” (Пастернак, 1989, с. 460). В этой сцене повторяется нарративный прием — символическая смерть героя, функцией „волшебного помощника” наделяется Лара: „Его выкармливала, выхаживала Лара своими заботами, своей лебедино-белой прелестью, влажно дышащим горловым шепотом своих вопросов и ответов” (Пастернак, 1989, с. 460–461).

Выздоровление (воскресение) героя после болезни (символической смерти), с одной стороны, представлено как вверение судьбы в руки природы, подчинение законам органической жизни. Во время болезни в Юрятине подчеркивается бездейственность, пассивность героя, он думает о том, как „хорошо было перестать действовать, добиваться, думать, и на время предоставить этот труд природе, самому стать вещью, замыслом” (Пастернак, 1989, с. 460). С другой стороны, выздоровление представлено как волевое усилие. Значимость волевого усилия подчеркивает троекратное повторение слова „надо” в московском бреде Живаго: „надо проснуться. Надо проснуться и встать. Надо воскреснуть” (Пастернак, 1989, с. 242), где воскресение также понимается как борьба с тяжелой болезнью, как волевое усилие.

Подтверждение этой мысли мы находим в стихотворении Живаго *На Страстной*, где появляется слово „распогодь”:

Но в полночь смолкнут тварь и плоть,
Заслышав звук весенний,
Что только-только распогодь,

Смерть можно будет побороть
Усиьем Воскресенья. (Пастернак, 1989, с. 606)

На слово „распогодь”, которого нет в нормативных словарях (есть слово „распогодиться”), обратила внимание Ирина Суханова в диссертации *Интертекстуальные связи в романе Б. Л. Пастернака „Доктор Живаго”*. В стихотворении глагол «распогодиться» используется без возвратного суффикса и выступает в форме повелительного наклонения. Таким образом, он приобретает значение волевого усилия, безличный глагол „распогодиться” без возвратного суффикса допускает наличие субъекта действия. Значение волевого действия усиливается рифмой с глаголом „побороть” и расположением поблизости со словом „усилье” (Суханова, 1998, с. 31–32). То есть переход от зимы к весне на Страстной неделе (накануне Пасхи, и, соответственно, Воскресения) — это не только закономерность смены времен года, но и усилие воли.

Как отмечает Ежи Фарыно в статье *Чем и зачем писатели болеют и лежат своих персонажей*, „то, что и мы, и Пастернак называем «болезнью» — всего лишь промежуточная естественная стадия, сопровождающая метаморфозу и оборачивающаяся неизбывным житнетворным процессом” (Фарыно, 2001, с. 493). Выздоровление Живаго, приход весны и воскресение Христа — события одного порядка в романе, варьирование одного образа. Лейтмотив смерти и воскресения создает семантическое поле в форме круга — символа бессмертия, вечного обновления жизни.

Болезнь и мотив сна

Говоря о мотиве болезни в произведениях Пастернака, необходимо отметить особую функцию сна в романе *Доктор Живаго*: болезни героя сопровождаются тяжелыми сновидениями. С ними связаны и прозрения, и проявление области бессознательного. Не случайно в своих записках Живаго пишет о снах:

Принято думать, что ночью снится обыкновенно то, что днем, в бодрствовании, произвело сильнейшее впечатление. У меня как раз обратные наблюдения. Я не раз замечал, что именно вещи, едва замеченные днем, не доведенные до ясности, слова, сказанные без души и оставленные без внимания, возвращаются ночью, облеченные в плоть и кровь, и становятся темами сновидений, как бы в возмездие за дневное к ним пренебрежение. (Пастернак, 1989, с. 331)

Подтверждение этой догадки Юрия Андреевича мы находим дважды. Стремление Живаго к Ларе, которое он всеми силами старается вытеснить из своего сознания, обретает силу во время болезненного сна и жара. Когда доктор впервые диагностирует у себя наследственную сердечную болезнь, он чувствует жар, у него перехватывает дыхание, ему тяжело дышать. В этом

состоянии он чувствует запах глаженного и слышит звук лязгающего крышкой духового утюга. Эти звук и запах ему что-то напоминают, но он не может вспомнить что, ссылаясь на забывчивость по нездоровью. Читатель же сразу догадывается, что эти звуки и запахи возвращают Живаго в Мелюзевский госпиталь, к воспоминаниям о прощании с Ларой, которая гладила белье; в госпитале он впервые обнаружил чувства к ней, в которых не отважился себе признаться. Позже Живаго просыпается после болезненного сна, пробужденный женским голосом (символично, что сообщение о сне сопровождается замечанием о усиливающейся головной боли). В этот же день доктор отправляется в библиотеку, где встречает Антипову и понимает, что именно ее голос пробудил его.

Болезненный сон обнажает бессознательное, сообщает герою правду о самом себе. Во время болезни в Юрятине доктору снится сын, отделенный стеклянной дверью. Сон оказывается пророческим: Живаго так и не удастся воссоединиться с семьей, уехавшей в эмиграцию. Когда доктор засыпает во второй раз, он оказывается в ситуации, о которой не мог знать: ему снится прощальный вечер Лары и Паши с их друзьями в дореволюционной Москве. Читателю не совсем ясно, каким образом в сознании Живаго могут возникать картины, которых он никак не мог видеть, и ситуации, в которых он не мог находиться. Можно предположить, что этот сон символизирует желание Живаго занять место Паши Антипова в жизни Лары.

Болезнь как импульс к творчеству

Болезнь в романе *Доктор Живаго*, как и в лирике Пастернака, парадоксальным образом связана с творчеством и зачастую становится творческим импульсом. Сам Пастернак испытал один из высших творческих взлетов в коридоре Боткинской больницы после перенесенного обширного инфаркта. Состояние на грани жизни и смерти Пастернак передал в письме к Нине Табидзе, которое закончил словами: „я ликовал и плакал от счастья” (1953, за: Е. Пастернак). Впоследствии пережитое в больнице легло в основу стихотворения *Болезнь*, проникнутого ощущением счастья, благодарностью и упоением жизнью.

У Юрия Живаго импульс к творчеству рождается во время тифозной лихорадки в Москве. Ему снится, что он „пишет с жаром и необыкновенной удачей то, что он всегда хотел и должен был давно написать, а вот теперь оно выходит” (Пастернак, 1989, с. 241). Болезнь также становится стимулом к размышлениям о жизни, смерти, евангелии. Вспомним лекцию Живаго, экспромтом прочитанную у кровати больной Анны Ивановны Громеко, лекцию о смерти и воскресении. Живаго говорит смертельно больной о чуде жизни: „Но все время одна и та же необъятно тождественная жизнь наполняет

вселенную и ежечасно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях. Вот вы опасаетесь, воскресните ли вы, а вы уже воскресли, когда родились, и этого не заметили” (Пастернак, 1989, с. 77).

Близость смерти наводит Живаго на мысль о том, что „смерть может быть в помощь”, ведь она является импульсом к творчеству, к искусству, а искусство „всегда, не престаая, занято двумя вещами: оно неотступно размышляет о смерти и неотступно творит этим жизнь” (Пастернак, 1989, с. 103). Искусство спасает жизнь от смерти. Не случайно роман завершается стихами Живаго, а не смертью главного героя. Смерть в понимании Пастернака, как парадоксально бы это не звучало, — не окончание жизни, а один из этапов жизненного процесса. Из этого следует вывод, что смерть в романе не противопоставляется жизни, а является ее продолжением. Жизнь противопоставляется забвению, поэтому спасение жизни (не в биологическом, а в метафизическом измерении) Пастернак видит в искусстве. После смерти Юрий Андреевич продолжает жить в записях и стихах, которые читают Дудоров и Гордон.

Мотив болезни и фигура окна

В произведениях Пастернака мотиву болезни часто сопутствует фигура окна, с помощью которого изолированный герой, ограниченный в движении, устанавливает связь с внешним миром. О функции окна как предмета и метафоры подробно писал Александр Жолковский в статье *Место окна в поэтическом мире Пастернака*. Мы проанализируем функцию окна как связи больного с внешним миром в романе *Доктор Живаго*.

Окно в произведении отражает состояние героя, обозначает этапы болезни и выздоровления. Сравним описание состояния доктора в эвакуационном госпитале в Мелюзеево и в Лариной квартире во время тифозного бреда. О поправляющемся в госпитале Живаго читаем: „В офицерской палате для выздоравливающих по просьбе Юрия Андреевича, находившегося тут на излечении, было отворено окно близ его койки” (Пастернак, 1989, с. 146). Стоит обратить внимание на то, что упоминание об открытом окне сопровождается указанием времени года („Стояли теплые дни конца февраля” (Пастернак, 1989, с. 145)) и времени суток („Приближался час обеда” (Пастернак, 1989, с. 146)). Открытое окно символизирует выздоровление, преодоление кризиса, вновь обретенную гармонию с миром. Болезни и выздоровлению, как мы уже отмечали, сопутствует новый виток жизни героя. В мелюзеевском госпитале происходит знакомство Живаго и Лары Антиповой.

В Лариной квартире в Юрятине — локусе тифозного бреда Живаго — герой видит иней, затянувший окно: „Такой рыхлый и грязный, что от него темно в комнате” (Пастернак, 1989, с. 459). Заиндевшее окно символизи-

рует кризис болезни, пограничное состояние героя, утрату связи с внешним миром: „И он опять спал и просыпался, и обнаруживал, что окна в снежной сетке иней налиты розовым жаром зари, которая рдеет в них, как красное вино, разлитое по хрустальным бокалам. И он не знал, и спрашивал себя, какая это зоря, утренняя или вечерняя?” (Пастернак, 1989, с. 460). Неразличение восхода и захода солнца означает, что болезнь может разрешиться не только выздоровлением, но и смертью. В промежутках между болезненными снами герой спрашивает себя: „Сколько времени я лежу тут одетый? [...] Сколько часов? Сколько дней? Когда я свалился, начиналась весна. А теперь иней на окне” (Пастернак, 1989, с. 459). Затянутое инеем окно создает ощущение полной изоляции и безвременья, символизирует лиминальное состояние героя — состояние на границе жизни и смерти. Оно также ассоциируется с расставанием и безысходностью в стихотворении *Разлука* из цикла стихотворений к роману:

Когда сквозь иней на окне
Не видно света Божья,
Безвыходность тоски вдвойне
С пустыней моря схожа. (Пастернак, 1989, с. 623)

Заиндевшееся окно в Юртыне становится метафорой изоляции и смятения. Здесь необходимо вспомнить и неспособность Живаго открыть окно трамвая, которое не поддается его усилиям. Рама окна оказывается привинченной к косякам „наглухо” — эта деталь предвосхищает смерть доктора.

Болезнь как проявление индивидуальности

Глубже понять значение мотива болезни в поэтике романа *Доктор Живаго* позволяет работа Наума Лейдермана *Неявный диалог: „Русский лес” Л. Леонова и „Доктор Живаго” Б. Пастернака*. Он утверждает, что роман Пастернака вступает в полемику с закрепленным в традиции исторического и социально-психологического романа представлением о связи между социальной историей и жизнью отдельного человека, личности. Действительно, болезнь в романе представлена как кризис, критический переходный момент, угрожающий жизни доктора.

Отметим, что жизнь героев протекает на фоне масштабных исторических событий, охватывающих революцию 1905-го года, Первую мировую войну, революцию 1917-го года, Гражданскую войну, НЭП. Однако герой переживает кризисные моменты не во время ключевых исторических событий, как, например, герой романа Льва Толстого Андрей Болконский, чья жизнь и смерть связаны „с кризисной для всего народа ситуацией” (Полтавец, 2018, с. 205). Исторические события в романе Пастернака — войны и революции — это только фон органической жизни. Лейдерман определя-

ет исторический фон как эксперименты с жизнью, „несущие на себе печать искусственности и надуманности” (Лейдерман, 2001, с. 29). Исследователь считает, что в романе куда важнее революционных игр („игр в людей”) подлинны людские заботы, которые „демистифицируют значимость социальной истории и характерных для нее надличностных масштабов и критериев” (Лейдерман, 2001, с. 31). Наивысший этический смысл приобретают повседневность, обыденные людские хлопоты. Поэтому болезнь тела, сугубо индивидуальные ощущения и состояния переживания болезни и близости смерти, а не исторические события, представлены в романе как переломные моменты в жизни доктора.

Причиной смерти Живаго становится не заразная (приобретенная) болезнь — тиф, которая представлена в романе как реальность времени. Героя убивает наследственная болезнь сердца, он умирает от духоты в трамвае в 1929 году, называемым годом Великого перелома, когда был провозглашен курс на коллективизацию и индустриализацию. Смерть доктора глубоко символична и отсылает к высказыванию Александра Блока на Пушкинском вечере 1921-го: „Пушкина тоже убила вовсе не пуля Дантеса. Его убило отсутствие воздуха [...] поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем” (2017, за: Е. Трубецкова). Слова Блока оказались пророческими в его судьбе, он умер в 1921 году от воспаления внутренней оболочки сердца. Герой Пастернака не случайно „наследует” сердечную болезнь Блока — поэта, названного в романе „явлением Рождества во всех областях русской жизни” (Пастернак, 1989, с. 92). Современники Блока утверждали, что поэта погубила не болезнь, а сама атмосфера времени. Живаго умирает по дороге на службу в Боткинскую больницу, смерть препятствует самой возможности „встроиться” в новую советскую жизнь, органически враждебную герою, от которого, по замечанию Лары, веяло свободой и беззаботностью. Как наследственная сердечная болезнь доктора (особенность его организма) была несовместима с жизнью, так и его убеждения и внутренняя свобода (особенность духовного склада) были несовместимы с эпохой сталинизма.

Выводы

Вопреки утверждению Ежи Фарино, который писал, что, несмотря на насыщенность творчества Пастернака мотивами болезни, лечение в нем практически не представлено, не описывается процедура лечения и нет летальных исходов (Фарино, 2001, с. 493), важным элементом романа *Доктор Живаго* является описание тифа, способов его лечения и профилактики. Эпидемии тифа в романе представлены как реалии послереволюционного и послевоенного времени, они также связаны с событийным началом, являясь повторяющимся сюжетобразующим элементом произведения.

Тифозная лихорадка наравне с мотивами метели и снежной бури знаменует радикальные перемены в судьбе героя. Наравне с реалистическими описаниями эпидемий тифа, заразная болезнь в романе наделяется метафорическим значением: она символизирует обновление жизни и обострение восприятия мира после перенесенного недуга. Болезнь, с одной стороны, представлена как подчинение законам органической жизни, с другой стороны, как сопротивление организма, который побеждает болезнь усилием воли.

С мотивом болезни в *Докторе Живаго* связано проявление бессознательного, лихорадочные состояния обнажают истинные желания и стремления персонажа. Анализируемому мотиву сопутствует фигура окна, обозначающая выздоровление или ухудшение состояния больного. Смерть в романе представлена не как противопоставление жизни, а как один из ее этапов. Дихотомия „смерть—жизнь” заменяется в романе противопоставлением жизни и забвения; забвение героя преодолевается творчеством.

Индивидуальное переживание болезни, ее частные проявления представлены как переломные состояния, на фоне которых значение исторических событий в жизни героев отступает на второй план. В романе Пастернака отчетливо разграничиваются заразные и наследственные болезни. Если первые преодолимы и связаны с реалиями времени, то последние, заканчивающиеся летальным исходом, символизируют несовместимость органики героя и духовного склада Живаго с эпохой сталинизма.

Библиография

- Альфонсов В. (1990). *Поэзия Бориса Пастернака*. Ленинград: Советский писатель [Al'fonsov V. (1990). *Poeziya Borisa Pasternaka*. Leningrad: Sovetskiy pisatel'].
- Буров, С. (2013). Поэтика романа Б. Л. Пастернака „Доктор Живаго”. *Новый филологический вестник*, 4 (27), с. 7–34 [Burov, S. (2013). Poetika romana B. L. Pasternaka „Doktor Zhivago”. *Novyy filologicheskiy vestnik*, 4 (27), s. 7–34].
- Быков, Б. (2012). *Борис Пастернак*. Москва; Молодая гвардия [Bykov, B. (2012). *Boris Pasternak*. Moskva, Molodaya gvardiya].
- Гаспаров, Б. (1990). Временной контрапункт как формообразующий принцип романа Бориса Пастернака „Доктор Живаго”. *Дружба народов*, 3, с. 223–242 [Gasparov, B. (1990). Vremennoy kontrapunkt kak formoobrazuyushchiy printsip romana Borisa Pasternaka „Doktor Zhivago”. *Druzhba narodov* 3, s. 223–242].
- Даниэл, М. (1990). *Тайные тропы носителей смерти*. Пер. с чешского В. А. Егорова. Москва: Прогресс [Daniel, M. (1990). *Taynyye tropy nositeley smerti*. Per. s cheshskogo V.A. Yegorova. Moskva: Progress].
- Жолковский, А. (1980). *Инварианты и структура поэтического текста: Пастернак*. Скачано с: https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/bib12#_edn1 (доступ: 28.10.2021) [Zholkovskiy, A. (1980). *Invarianty i struktura poeticheskogo teksta: Pasternak*].
- Жолковский, А. (1996). *Место окна в поэтическом мире Пастернака*. Скачано с: <https://dornsife.usc.edu/alexander-zholkovsky/okno> (доступ: 2.08.2021) [Zholkovskiy, A. (1996). *Mesto okna v poeticheskom mire Pasternaka*].

- Кузнецов, И., Ляляев С. (2013). Преображение действительности как внутренний сюжет „Доктора Живаго”. *Новый филологический вестник*, 2 (25), с. 72–91 [Kuznetsov, I., Lyalyayev S. (2013). Preobrazheniye deystvitel'nosti kak vnutrenniy syuzhet „Doktora Zhivago”. *Novyy filologicheskij vestnik*, 2 (25), s. 72–91]
- Лейдерман, Н. (2001). *Неявный диалог: „Русский лес” Л. Леонова и „Доктор Живаго” Б. Пастернака*. Екатеринбург: Издательство АМБ [Leyderman, N. (2001). *Neyavnyy dialog: „Russkiy les” L. Leonova I „Doktor Zhivago” B. Pasternaka*. Yekaterinburg: Izdatel'stvo AMB].
- Норинт С., Кузнецов, А. (1998). *Большой толковый словарь русского языка*. Скачано с: <http://endic.ru/kuzhecov/Tif-72270.html> (доступ: 11.09.2021) [Norint S., Kuznetsov, A. (1998). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*].
- Пастернак, Б. (1989). *Доктор Живаго*. Москва: Советская Россия [Pasternak, B. (1989). *Doktor Zhivago*. Moskva: Sovetskaya Rossiya].
- Пастернак, Е. (1997). *Борис Пастернак. Биография*. Скачано с: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/pasternak-e-b/biografiya-6-1.htm> (доступ: 11.09.2021) [Pasternak, Ye. (1997). *Boris Pasternak. Biografiya*].
- Полтавец, Е. (2018). Три смерти Андрея Болконского (*Война и мир* Льва Толстого) в мифоритуальном контексте. *Slavica Wratislaviensia*, 167, с. 205–213 [Poltavets, Ye. (2018). Tri smerti Andrey a Bolkonskogo (*Voyna i mir* L'va Tolstogo) v mifo-ritual'nom kontekste. *Slavica Wratislaviensia* 167, s. 205–213].
- Суханова, И. (1998). Автореферат, диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: *Интертекстуальные связи в романе Б. Л. Пастернака „Доктор Живаго”*. Ярославль [Sukhanova, I. (1998). Avtoreferat, dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk: *Intertekstual'nyye svyazi v romane B.L. Pasternaka „Doktor Zhivago”*. Yaroslavl'].
- Трубцова, Е. (2017). „Новое зрение”: болезнь как прием отстранения в русской литературе XX века. Москва: Новое литературное обозрение [Trubetskov a, Ye. (2017). „Novoye zreniye”: *bolezn' kak priyet ot-straneniya v russkoy literature XX veka*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye].
- Тюпа, В. (2013). Нарративная интрига „Доктора Живаго”. *Новый филологический вестник*, 2 (25), с. 45–71 [Tyupa, V. (2013). Narrativnaya intriga „Doktora Zhivago”. *Novyy filologicheskij vestnik*, 2 (25), s. 45–71].
- Фарыно, Е. (2001). Чем и зачем писатели болеют и лечат своих персонажей? *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 6, с. 485–494. [Faryno, Ye. (2001). Chem izachem pisateli boleyut i lechat svoikh personazhey? *Studia Litteraria Polono-Slavica*, 6, s. 485–494].
- Фатеева, Н. (2003). *Поэт и проза. Книга о Пастернаке*. Москва: Новое литературное обозрение [Fateyeva, N. (2003). *Poet i proza. Kniga o Pasternake*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye].